

Дневник писателя

(1873 ГОД)

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Вступленіе.....	3
II. Старые люди.....	6
III. Среда.....	12
IV. Нѣчто личное.....	24
V. Власть.....	33
VI. Бобокъ.....	45
VII. «Смятенный видъ».....	59
VIII. Полписъма «одного лица».....	67
IX. По поводу выставки.....	75
X. Ряженный.....	86
XI. Мечты и грёзы.....	101
XII. (По поводу новой драмы).....	107
XIII. Маленькія картинки.....	117
XIV. Учителю.....	126
XV. Нѣчто о враньѣ.....	132
XVI. Одна изъ современныхъ фальшей.....	141

I. Вступленіе.

Двадцатаго декабря я узналъ что уже все рѣшено, и что я редакторъ «Гражданина». Это чрезвычайное событіе, т. е., чрезвычайное для меня (я никого не хочу обижать), — произошло однако довольно просто. Двадцатаго декабря я какъ разъ читалъ статью «Московскихъ Вѣдомостей» о бракосочетаніи китайскаго императора; она оставила во мнѣ сильное впечатлѣніе. Это великолѣпное и повидимому весьма сложное событіе произошло тоже удивительно просто: все оно было предусмтрѣнно и опредѣлено еще за тысячу лѣтъ, до послѣдней подробности, почти въ двухстахъ томахъ церемоній. Сравнивъ громадность китайскаго событія съ моимъ назначеніемъ въ редакторы, — я вдругъ почувствовалъ неблагодарность къ отечественнымъ установленіямъ, не смотря на то, что меня такъ легко утвердили и подумалъ, что намъ, т. е. мнѣ и князю Мещерскому, въ Китаѣ было бы несомнѣнно выгоднѣе, чѣмъ здѣсь, издавать «Гражданина». Тамъ все такъ ясно... Мы оба предстали бы въ назначенный день въ тамошнее главное управленіе во дѣламъ печати. Стукнувшись лбами объ полъ и полизавъ полъ языкомъ, мы бы встали и подняли наши указательные персты передъ собою, почтительно склонивъ головы. Главноуправляющій по дѣламъ печати, конечно, сдѣлалъ бы видъ что не обращаетъ на насъ ни малѣйшаго вниманія, какъ на влетѣвшихъ мухъ. Но всталъ бы третій помощникъ третьяго его секретаря и держа въ рукахъ дипломъ о моемъ назначеніи въ редакторы, произнесъ бы намъ внушительнымъ, но ласковымъ голосомъ опредѣленное церемоніями наставленіе. Оно было бы такъ ясно и такъ понятно, что обоимъ намъ было бы неимовѣрно пріятно слушать. На случай, еслибъ я въ Китаѣ былъ такъ глупъ и чистъ сердцемъ, что, приступая къ редакторству и сознавая слабость моихъ способностей, ощутилъ бы въ себѣ страхъ и угрызенія совѣсти, — мнѣ бы тотчасъ же было доказано что я вдвое глупъ питая такія чувства. Что именно съ этого момента мнѣ вовсе не надо ума, еслибъ даже и былъ; напротивъ того, несравненно благонадежнѣе если его нѣтъ вовсе. И ужъ безъ сомнѣнія это было бы весьма пріятно выслушать. Заключивъ прекрасными словами: «Иди, редакторъ, отнынѣ ты можешь ѣсть рисъ и пить чай съ новымъ спокойствіемъ твоей совѣсти», третій помощникъ третьяго секретаря вручилъ

бы мнѣ красивый дипломъ, напечатанный на красномъ атласѣ золотыми литерами, князь Мещерскій далъ бы полную взятку, и оба мы, возвратясь домой, тотчасъ же бы издали великолѣпнѣйшій № «Гражданина», такой, какого здѣсь никогда не издадимъ. Въ Китаѣ мы бы издавали отлично.

Подозрѣваю однако, что въ Китаѣ князь Мещерскій непременно бы со мною схитрилъ, пригласивъ меня въ редакторы наиболѣе съ тою цѣлю, чтобъ я замѣнялъ его лицо въ главномъ управленіи по дѣламъ печати каждый разъ, когда бы его приглашали туда получать удары по пятамъ бамбуковыми дощечками. Но я перехитрилъ бы его: я бы тотчасъ пересталъ печатать «Бисмарка», самъ же, напротивъ, сталъ отлично писать статьи, — такъ что къ бамбуку призывали бы меня всего лишь черезъ нумеръ. За то я бы выучился писать.

Въ Китаѣ я бы отлично писалъ; здѣсь это гораздо труднѣе. Тамъ все предусмотрено и все разсчитано на тысячу лѣтъ; здѣсь же все вверхъ дномъ на тысячу лѣтъ. Тамъ я даже по неволѣ писалъ бы понятно; такъ что не знаю кто бы меня сталъ и читать. Здѣсь, чтобы заставить себя читать, даже выгоднѣе писать непонятно. Только въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» передовыя статьи пишутся въ полтора столбца и — къ удивленію — понятно; да и то если принадлежать извѣстному перу. Въ «Голосѣ» онѣ пишутся въ восемь, въ десять, въ двѣнадцать и даже въ тринадцать столбцовъ. И такъ вотъ сколько надо здѣсь истратить столбцовъ, чтобы заставить уважать себя.

У насъ говорить съ другими — наука, т. е., съ перваго взгляда, пожалуй также какъ и въ Китаѣ; какъ и тамъ, есть нѣсколько очень упрощенныхъ и чисто научныхъ пріемовъ. Прежде, напримѣръ, слова: «я ничего не понимаю» означали только глупость произносившаго ихъ; теперь же приносятъ великую честь. Стоить лишь произнести съ открытымъ видомъ и съ гордостью: «Я не понимаю религіи, я ничего не понимаю въ Россіи, я ровно ничего не понимаю въ искусствѣ» — и вы тотчасъ же ставите себя на отмѣнную высоту. И это особенно выгодно, если вы въ самомъ дѣлѣ ничего не понимаете.

Но этотъ упрощенный пріемъ ничего не доказываетъ. Въ сущности у насъ каждый подозрѣваетъ другаго въ глупости, безо всякой задумчивости и безо всякаго обратнаго вопроса на себя: «да ужъ не я ли это глупъ въ самомъ дѣлѣ?» Положеніе вседовольное, и однако же никто не доволенъ имъ, а всѣ сердятся. Да и задумчивость въ наше время почти невозможна: дорого стоитъ. Правда, покупаютъ готовыя идеи. Онѣ продаются вездѣ, даже даромъ; но даромъ то еще дороже обходятся, и это

уже начинают предчувствовать. Въ результатѣ никакой выгоды и по прежнему безпорядокъ.

Пожалуй, мы тотъ же Китай, но только безъ его порядка. Мы едва лишь начинаемъ то, что въ Китаѣ уже оканчивается. Несомнѣнно придемъ къ тому же концу, но когда? Чтобы принять тысячу томовъ «Церемоній» съ тѣмъ, чтобы уже окончательно выиграть право ни о чемъ не задумываться, — намъ надо прожить по крайней мѣрѣ еще тысячелѣтніе задумчивости. И что же — никто не хочетъ ускорить срокъ, потому что никто не хочетъ задумываться.

Правда и то: если никто не хочетъ задумываться, то, казалось бы, тѣмъ легче русскому литератору. Да, легче дѣйствительно; и горе тому литератору и издателю, который въ наше время задумывается. Еще горше тому кто самъ захотѣлъ бы учиться и понимать; но еще горше тому, который объявить объ этомъ искренно; а если заявить что уже капельку понялъ и желаетъ высказать свою мысль, то немедленно всѣми оставляется. Ему остается лишь подыскать какогонибудь одного подходящаго человѣчка, или даже нанять его, и только съ нимъ однимъ и разговаривать; можетъ быть для него одного и журналъ издавать. Положеніе омерзительное, ибо это все равно что говорить самому съ собой и издавать журналъ для собственнаго удовольствія. Я сильно подозреваю, что «Гражданину» еще долго придется говорить самому съ собой для собственнаго удовольствія. Взять уже то, что по медицинѣ разговоръ съ собой обозначаетъ предрасположеніе къ помѣшательству. «Гражданинъ» долженъ непременно говорить съ гражданами и вотъ въ томъ вся бѣда его!

И такъ вотъ къ какому изданію я пріобщилъ себя. Положеніе мое въ высшей степени неопредѣленное. Но буду и я говорить самъ съ собой и для собственнаго удовольствія, въ формѣ этого дневника, а тамъ что-бы ни вышло. Объ чемъ говорить? Обо всемъ что поразитъ меня или заставить задуматься. Если же найду читателя и, Боже сохрани, оппонента, то понимаю что надо умѣть разговаривать и знать съ кѣмъ и какъ говорить. Этому постараюсь выучиться, потому что у насъ это всего труднѣе, т. е. въ литературѣ. Къ тому же и оппоненты бываютъ различные; не со всякимъ можно начать разговоръ. Расскажу одну басню, которую слышалъ на дняхъ. Говорятъ что басня древняя, чуть не индійскаго происхожденія, что весьма утѣшительно.

Однажды свинья поспорила со львомъ и вызвала его на дуэль. Воротясь домой, одумалась и струсила. Собралось все стадо, подумали и рѣшили такъ:

— Видишь, свинья, тутъ у насъ по близости есть одна яма; поди, вываляйся въ ней хорошенько и явись такъ на мѣсто. Увидишь.

Свинья такъ и сдѣлала. Левъ пришелъ, понюхалъ, поморщился и пошелъ прочь. Долго еще потомъ свинья хвалилась что левъ струсилъ и убѣждалъ съ поля битвы.

Вотъ басня. Конечно, львовъ у насъ нѣтъ, — не по климату, да и слишкомъ величественно. Но поставьте вмѣсто льва порядочнаго чело-
вѣка, какимъ каждый обязанъ быть, и нравоученіе выйдетъ тоже самое.

Кстати расскажу еще прісказку:

Однажды, разговаривая съ покойнымъ Герценомъ, я очень хвалилъ ему одно его сочиненіе, — «Съ того берега». Объ этой книгѣ, къ величайшему моему удовольствію, съ похвалой отнесся и Михаилъ Петровичъ Погодинъ въ своей превосходной и любопытнѣйшей статьѣ о свиданіи его за границей съ Герценомъ. Эта книга написана въ формѣ разговора двухъ лицъ, Герцена и его оппонента.

— И мнѣ особенно нравится, замѣтилъ я между прочимъ, что вашъ оппонентъ то же очень уменъ. Согласитесь что онъ васъ во многихъ случаяхъ ставитъ къ стѣнѣ.

— Да вѣдь въ томъ-то и вся штука, засмѣялся Герценъ. Я вамъ расскажу анекдотъ. Разъ, когда я былъ въ Петербургѣ, затащилъ меня къ себѣ Бѣлинскій и усадилъ слушать свою статью, которую горячо писалъ: «Разговоръ между господиномъ А. и господиномъ Б.» (Вошла въ собраніе его сочиненій). Въ этой статьѣ господинъ А., т. е., разумѣется, самъ Бѣлинскій, — выставленъ очень умнымъ, а господинъ Б., его оппонентъ, поплосше. Когда онъ кончилъ, то съ лихорадочнымъ ожиданіемъ спросилъ меня:

— Ну что, какъ ты думаешь?

— Да хорошо то хорошо и видно что ты очень уменъ, но только охота тебѣ была съ такимъ дуралеемъ свое время терять.

Бѣлинскій бросился на диванъ, лицомъ въ подушку, и закричалъ, смѣясь что есть мочи:

— Зарѣзалъ! Зарѣзалъ!

II. Старые люди.

Этотъ анекдотъ о Бѣлинскомъ напомнилъ мнѣ теперь мое первое вступленіе на литературное поприще, Богъ знаетъ сколько лѣтъ тому

назадъ; грустное, роковое для меня время. Мнѣ именно припомнился самъ Бѣлинскій, какимъ я его тогда встрѣтилъ и какъ онъ меня тогда встрѣтилъ. Мнѣ часто припоминаются теперь старые люди, конечно потому что встрѣчаюсь съ новыми. Это была самая восторженная личность изъ всѣхъ мнѣ встрѣчавшихся въ жизни. Герценъ былъ совсѣмъ другое: то былъ продуктъ нашего барства, *gentilhomme russe et citoyen du monde*¹ прежде всего, — типъ явившійся только въ Россіи и который нигдѣ кромѣ Россіи не могъ явиться. Герценъ не эмигрировалъ, не полагалъ начало русской эмиграціи; — нѣтъ, онъ такъ ужъ и родился эмигрантомъ. Они всѣ, ему подобные, такъ прямо и рождались у насъ эмигрантами, хотя большинство ихъ и не выѣзжало изъ Россіи. Въ полтора-два лѣта предыдущей жизни русскаго барства, за весьма малыми исключеніями, истлѣли послѣдніе корни, расшатались послѣднія связи его съ русской почвой и съ русской правдой. Герцену какъ будто сама исторія предназначила выразить собою въ самомъ яркомъ типѣ этотъ разрывъ съ народомъ огромнаго большинства образованнаго нашего сословія. Въ этомъ смыслѣ это типъ историческій. Отдѣляясь отъ народа, они естественно потеряли и Бога. Безпокойные изъ нихъ стали атеистами; вялые и спокойные—индифферентными. Къ русскому народу они питали лишь одно презрѣніе, воображая и вѣруя въ то же время что любить его и желаютъ ему всего лучшаго. Но они любили его отрицательно, воображая вмѣсто него какой-то идеальный народъ, — какимъ-бы долженъ быть по ихъ понятіямъ русскій народъ. Этотъ идеальный народъ невольно воплощался тогда у иныхъ передовыхъ представителей большинства въ парижскую чернь девяносто третьяго года. Тогда это былъ самый плѣнительный идеалъ народа. Разумѣется, Герценъ долженъ былъ стать социалистомъ и именно какъ русскій баричъ, то есть безо всякой нужды и цѣли, а изъ одного только «логическаго теченія идей» и отъ сердечной пустоты на родинѣ. Онъ отрекся отъ основъ прежняго общества; отрицалъ семейство и былъ, кажется, хорошимъ отцомъ и мужемъ. Отрицалъ собственность, а въ ожиданіи успѣлъ устроить дѣла свои, и съ удовольствіемъ ощущалъ за границей свою обезпеченность. Онъ заводилъ революціи и подстрекалъ къ нимъ другихъ и въ тоже время любилъ комфортъ и семейный покой. Это былъ художникъ, мыслитель, блестящій писатель, чрезвычайно начитанный человекъ, остроумецъ, удивительный собесѣдникъ (говорилъ онъ даже лучше, чѣмъ писалъ) и великолѣпный рефлектёръ. Рефлексія, способ-

¹ русский дворянин и гражданин мира (франц.). — здесь и далее перевод всех иноязычных текстов приводится нами по современному изданию «Дневника писателя» Достоевского. — Прим. издательства ImWerden.

ность сдѣлать изъ самаго глубокаго своего чувства объектъ, поставить его передъ собою, поклониться ему и сейчасъ же, пожалуй, и насмѣяться надъ нимъ, — была въ немъ развита въ высшей степени. Безъ сомнѣнія, это былъ человѣкъ необыкновенный; но чѣмъ бы онъ ни былъ, — писалъ—ли свои записки, издавалъ—ли журналъ съ Прудономъ, выходилъ—ли въ Парижѣ на баррикады, (что такъ комически описалъ въ своихъ запискахъ); страдалъ—ли, радовался—ли, сомнѣвался—ли; посылалъ—ли въ Россію, въ шестьдесятъ третьемъ году, въ угоду полякамъ свое воззваніе къ русскимъ революціонерамъ, въ тоже время не вѣря полякамъ и зная, что они его обманули, зная, что своимъ воззваніемъ онъ губить сотни этихъ несчастныхъ молодыхъ людей; съ наивною ли неслыханною признавался въ этомъ самъ въ одной изъ позднѣйшихъ статей своихъ, даже и не подозрѣвая, въ какомъ свѣтѣ самъ себя выставляетъ такимъ признаніемъ — всегда, вездѣ и во всю свою жизнь онъ, прежде всего, былъ *gentilhomme russe et citoyen du monde*, по просту продуктъ прежняго крѣпостничества, которое онъ ненавидѣлъ и изъ котораго произошелъ, не по отцу только, а именно чрезъ разрывъ съ родной землей и съ ея идеалами. Бѣлинскій напротивъ, Бѣлинскій былъ вовсе не *gentilhomme*, — о, нѣтъ. (Онъ Богъ знаетъ отъ кого происходилъ. Отецъ его былъ, кажется, военнымъ лекаремъ).

Бѣлинскій былъ по преимуществу не рефлексивная личность, а именно беззаветно восторженная, всегда и во всю его жизнь. Первая повѣсть моя «Бѣдные Люди» восхитила его (потомъ, почти годъ спустя, мы разошлись — отъ разнообразныхъ причинъ, весьма впрочемъ неважныхъ во всѣхъ отношеніяхъ); но тогда, въ первые дни знакомства, привязавшись ко мнѣ всѣмъ сердцемъ, онъ тотчасъ же бросился, съ самою простодушною торопливостью, обращать меня въ свою вѣру. Я нисколько не преувеличиваю его горячаго влеченія ко мнѣ, по крайней—мѣрѣ въ первые мѣсяцы знакомства. Я засталъ его страстнымъ социалистомъ и онъ прямо началъ со мной съ атеизма. Въ этомъ много для меня знаменательнаго, — именно удивительное чутье его и необыкновенная способность глубочайшимъ образомъ проникаться идеей. Интернаціоналка въ одномъ изъ своихъ воззваній, года два тому назадъ, начала прямо съ знаменательнаго заявленія: «мы прежде всего общество атеистическое», т. е., начала съ самой сути дѣла; тѣмъ же началъ и Бѣлинскій. Выше всего цѣня разумъ, науку и реализмъ, онъ въ тоже время понималъ глубже всѣхъ, что одни: разумъ, наука и реализмъ могутъ создать лишь муравейникъ, а не социальную «гармонію», въ которой бы можно было ужиться человѣку. Онъ зналъ, что основа всему — начала нравственныя. Въ новыя нравственныя основы социализма (который однако не

указаль до сихъ поръ ни единой, кромѣ гнусныхъ извращеній природы и здраваго смысла) онъ вѣрилъ до безумія и безо всякой рефлексіи; тутъ былъ одинъ лишь восторгъ. Но какъ социалисту, ему прежде всего слѣдовало низложить христіанство; онъ зналъ, что революція непремѣнно должна начинать съ атеизма. Ему надо было низложить ту религію, изъ которой вышли нравственныя основанія отрицаемаго имъ общества. Семейство, собственность, нравственную отвѣтственность личности — онъ отрицалъ радикально. (Замѣчу, что онъ былъ тоже хорошимъ мужемъ и отцомъ какъ и Герценъ). Безъ сомнѣнія онъ понималъ, что отрицая нравственную отвѣтственность личности онъ тѣмъ самымъ отрицаетъ и свободу ея; но онъ вѣрилъ всеѣмъ существомъ своимъ (гораздо слѣпѣе Герцена, который, кажется, подконецъ усумнился), что социализмъ не только не разрушаетъ свободу личности, а напротивъ возстановляетъ ее въ неслыханномъ величіи, но на новыхъ и уже адамантовыхъ основаніяхъ.

Тутъ оставалась однако сіяющая личность самого Христа, съ которою всего труднѣе было бороться. Ученіе Христово онъ, какъ социалистъ, необходимо долженъ былъ разрушать, называть его ложнымъ и невѣжественнымъ челоуѣколюбіемъ, осужденнымъ современною наукой и экономическими началами; но все-таки оставался пресвѣтлый ликъ Богочелоуѣка, его нравственная недостижимость, его чудесная и чудотворная красота. Но въ непрерывномъ, неугасимомъ восторгѣ своемъ Бѣлинскій не остановился даже и предъ этимъ неодолимымъ препятствіемъ какъ остановился Ренанъ, провозгласившій въ своей полной безвѣріи книгѣ *Vie de Jesus*¹, что Христосъ все таки есть идеаль красоты челоуѣческой, типъ недостижимый, которому нельзя уже болѣе повториться даже и въ будущемъ.

— Да знаете-ли вы, взвизгиваль онъ разъ вечеромъ (онъ иногда какъ-то взвизгиваль, если очень горячился), обращаясь ко мнѣ, знаете-ли вы, что нельзя насчитывать грѣхи челоуѣку и обременять его долгами и подставными ланитами, когда общество такъ подло устроено, что челоуѣку невозможно не дѣлать злодѣйствъ, когда онъ экономически приведенъ къ злодѣйству и что нелѣпо и жестоко требовать съ челоуѣка того, чего уже по законамъ природы не можетъ онъ выполнить, еслибъ даже хотѣлъ...

Въ этотъ вечеръ мы были не одни; присутствовалъ одинъ изъ друзей Бѣлинскаго, котораго онъ весьма уважалъ и во многомъ слушался; былъ тоже одинъ молоденькій, начинающій литераторъ, заслужившій потомъ извѣстность въ литературѣ.

¹ «Жизнь Иисуса» (франц.).

— Мнѣ даже умилительно смотрѣть на него, прервалъ вдругъ свои яростныя восклицанія Бѣлинскій, обращаясь къ своему другу и указывая на меня: каждый—то разъ, когда я вотъ такъ помяну Христа, у него все лицо измѣняется, точно заплакать хотеть... Да, повѣрьте же, наивный вы человѣкъ, набросился онъ опять на меня, повѣрьте же, что вашъ Христосъ, если бы родился въ наше время, былъ бы самымъ незамѣтнымъ и обыкновеннымъ человѣкомъ; такъ и стушевался бы при нынѣшней наукѣ и при нынѣшнихъ двигателяхъ человѣчества.

— Ну, нѣтъ-нѣтъ! подхватилъ другъ Бѣлинскаго. (Я помню, мы сидѣли, а онъ расхаживалъ взадъ и впередъ по комнатѣ) — ну, нѣтъ: если бы теперь появился Христосъ, Онъ бы примкнулъ къ движенію и сталъ во главѣ его...

— Ну да, ну да, вдругъ и съ удивительною поспѣшностью согласился Бѣлинскій. Онъ бы именно примкнулъ къ социалистамъ и пошелъ за ними.

Эти двигатели человѣчества, къ которымъ предназначалось примкнуть Христу, были тогда все французы: прежде всѣхъ Жоржъ-Зандъ, теперь совершенно забытый Кабетъ, Пьеръ Леру и Прудонъ, тогда еще только начинавшій свою дѣятельность. Этихъ четырехъ, сколько припомню, всего болѣе уважалъ тогда Бѣлинскій. Фурье уже далеко не такъ уважался. Объ нихъ толковалось у него по цѣлымъ вечерамъ. Былъ тоже одинъ нѣмецъ, передъ которымъ тогда онъ очень склонялся — Фейербахъ. (Бѣлинскій, не могшій во всю жизнь научиться ни одному иностранному языку, произносилъ: Фіербахъ). О Штраусѣ говорилось съ благоговѣніемъ.

При такой теплой вѣрѣ въ свою идею, это былъ, разумѣется, самый счастливѣйшій изъ людей. О, напрасно писали потомъ, что Бѣлинскій, еслибъ прожилъ дольше, примкнулъ бы къ славянофильству. Никогда бы не кончилъ онъ славянофильствомъ. Бѣлинскій можетъ быть кончилъ бы эмиграціей, если бы прожилъ дольше и еслибы удалось ему эмигрировать, и скитался бы теперь, маленькимъ и восторженнымъ старичкомъ, съ прежнею теплой вѣрой, не допускающей ни малѣйшихъ сомнѣній, гдѣнибудь по конгрессамъ Германіи и Швейцаріи, или примкнулъ бы адъютантомъ къ какойнибудь нѣмецкой М-ме Гёггъ, на побѣгушкахъ по какомунибудь женскому вопросу.

Этотъ всеблаженный человѣкъ, обладавшій такимъ удивительнымъ спокойствіемъ совѣсти, иногда впрочемъ очень грустилъ; но грусть эта была особаго рода, — не отъ сомнѣній, не отъ разочарованій, о, нѣтъ, — а вотъ почему не сегодня, почему не завтра? Это былъ самый торопившійся человѣкъ въ цѣлой Россіи. Разъ я встрѣтилъ его утромъ, часа въ